

Глава 1

До полудня оставалось несколько минут. В это время в магазине обычно было пусто. Продавщицы скучали за своими прилавками. Кто-то поправлял косметику, кто-то копался в витрине, перекладывая продукты. Две девушки из смежных отделов — мясного и молочного — тихонько переговаривались.

— Мне обещали, что через неделю уволят, — говорила одна из них, оглядываясь на дверь в служебное помещение.

— Кто тебе обещал?

— Сам директор...

— Развесила уши... Мне уже месяц обещают, и до сих пор тянут волынку... — пренебрежительно отрезала ее собеседница. — Блин, вот знала бы, что так будет, сидела бы дома.

Продавщица из мясного отдела ей не ответила. Она смотрела на улицу. Жалюзи на огромных витринных окнах в этот час были подняты. Поэтому она увидела, что возле магазина остановилась забрызганная грязью дорогая машина. Через минуту дверца машины отворилась, и в желтый подтаявший снег ступила нога в блестящем легком ботинке.

— Опять явился! — простонала девушка.

— Этот?! — всполошилась ее подруга из молочного отдела. — Вчера же был!

— А... У этих гадов совести нет... Ну, а если он опять у меня возьмет?! Ой, блин, я больше не могу... Так меня никогда отсюда не уволят!

А покупатель уже был в торговом зале. Высокий, откормленный, с невозмутимым наглым лицом. Это лицо, пожалуй, было даже красиво. Но ни одна из девушек не собиралась с ним кокетничать. На него даже глаз старались не поднимать. Продавщицы медленно, обреченно вернулись к кассам в своих отделах. Он остановился у кондитерского, стал указывать на конфеты, печенье, выбрал торт. Девушка обслуживала его чуть не со слезами на глазах. Набрал внушительный пакет, он снял его с прилавка и двинулся к соседнему отделу. Расплатиться за покупки он даже не подумал.

— Чтоб ты сдох... — прошептала продавщица из молочного, глядя на его приближение.

— Ты-то что переживаешь? Он у тебя только йогурты берет и молоко. А у меня через день — вырезку, карбонат, колбасы, сардельки, свинину кило по два... Сравнила!

— Тихо, Ванесса идет!

Девушка торопливо вернулась за свой прилавок. В торговый зал из служебного помещения выглянула женщина в красном брючном костюме. Увидев покупателя, она фальшиво заулыбалась и прошла в зал из-за прилавка. Поздоровалась с ним, мельком бросила взгляд на раздувшиеся пакеты в его руках. Ее длинное темное лицо ничуть не украшала эта застывшая фальшивая улыбка. Продавщицы смотрели на нее оловянными глазами. Ванессу — товароведа — ненавидели все.

Женщина кивнула покупателю, отошла к окну, закрыла жалюзи. Перешла к другому окну, к третьему. Теперь все окна были прикрыты. Потом попрощалась с покупателем и неторопливо удалилась. Тот провел в магазине еще несколько минут. Достал из кармана список покупок, стал его пере-

КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА, ДЕРУТСЯ НАСМЕРТЬ

читать, проверяя, все ли взял. Убедившись, что взял все, он подхватил пакеты и вышел. Его провожало полное молчание. Только когда за ним закрылась дверь, продавщицы стали переглядываться — так выразительно, что слова им были не нужны. Девушка из мясного отдела тоскливо сказала:

— Ну ладно, сегодня мне повезло. И все равно, я больше не выдержу.

У продавщицы из вино-водочного отдела тряслись руки. Она достала карандаш, клочок бумаги и принялась выводить цифры.

— И кому ты это покажешь? — обратилась к ней соседка.

— Директору. Девчонки, что же это такое? Сегодня он меня наказал на триста двадцать четыре рубля... Новыми...

Ей никто не успел ответить. На улице раздался грохот, мягко содрогнулся пол под ногами, и в одну из витрин с силой влепилось что-то тяжелое. На цементный пол из-под жалюзи сухо посыпалось разбитое стекло. Обрушилась пирамида из конфетных коробок на верхней полке в кондитерском отделе. Некоторые девушки присели за прилавки. Потом была минута тишины. В зал ворвалась женщина в красном костюме:

— Что за бардак?! — Голос у нее был резкий, напряженный. Такими голосами природа наделяет скандалисток.

— Мы не знаем, Ванесса Андрониковна...

Ванесса подбежала к окну, приподняла жалюзи. В лицо ей ударил сырой ледяной ветер — окно было разбито. Этот ветер принес в магазин запах гари. Ванесса стояла у окна, глядя на улицу, и к ней постепенно подтянулись все продавщицы. И там было на что посмотреть — машина, в которой приехал покупатель, горела... В пламени слабо билось что-то страшное, черное... Кто-то взвизгнул:

— Человек горит!

Ванесса дико обернулась:

— Что стоите, коровы? Вызовите милицию!

Никто не двинулся с места. Тогда она растолкала продавщиц и убежала к себе в кабинет. Девушки снова столпи-

АННА МАЛЫШЕВА

лись у окна. Теперь в машине ничего не было видно, кроме огня и дыма.

— Он там, — сказал кто-то.

— Где же ему еще быть. Все, накрылся покупатель.

— Туда ему и дорога, — сказала девушка из вино-водочного.

Но никто ее не поддержал. На горящую машину налетел сильный порыв ветра, пламя на миг вжалось в салон, но тут же вспыхнуло с новой силой, повалил жирный вонючий дым.

— А мы не взорвемся? — спросила одна из девушек, отстраняясь от окна.

— Тут уже все взорвалось, — ответила ей другая. — Ой, мамочки, может, хоть теперь нас уволят?! Как думаете, девчонки?

Они думали, по крайней мере, что магазин в этот день работать не будет. Но Ванесса, вызвав милицию, велела всем вернуться за прилавки. Разрешила только одеться потеплее — температура в магазине и на улице быстро сравнялась. Это был адски длинный день. Покупателей было много. Кого-то привлек сюда взрыв, кто-то ничего о случившемся не знал, а просто пришел после работы за продуктами. Девушек то и дело спрашивали — что у них случилось? Сгоревшая машина по-прежнему стояла возле магазина, привлекая всеобщее внимание. Девушки в ответ только пожимали плечами. Они предпочитали не распространяться о том, что случилось.

— Привет, — сказал парень, остановившись у прилавка с фруктами и овощами. Блондинка в голубом халатике обернулась — как раз расставляла на полке чудовищно огромные, тяжелые ананасы.

— Привет, — ответила она, едва шевельнув замерзшими губами.

— Насть, что у вас такой холод дикий? — удивился парень. — Окно расшибли?

КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА, ДЕРУТСЯ НАСМЕРТЬ

— Сам же видел.

— А тачка чья там стоит?

— Одного из этих, — пояснила Настя, бросая по сторонам косые взгляды. Но ни директора магазина, ни Ванессы в зале не было. Они принимали милицию в своем кабинете.

Парень больше не задавал вопросов. Он подмигнул ей, она снова оглянулась, нагнулась под прилавок и вынула оттуда довольно увесистый пакет с эмблемой магазина.

— На, — она поставила пакет на прилавок, парень быстро его снял. Еще несколько осторожных взглядов по сторонам... Но никто на них не взглянул — остальные девушки обслуживали покупателей, только у Настинного отдела пока было пусто.

— Когда придешь домой? — спросил парень.

— А я не знаю. Думала, нас отпустят... Фига. Ты Мартына из садика забрал?

— Сейчас заберу.

— Ты проследи, чтобы он взял с собой машину. Утащил ее в садик, еще украдут.

— Ладно, — парень поманил ее: — Ну, иди сюда.

Они поцеловались, перегнувшись через прилавок, и он ушел. Настя блаженно потянулась, потерла руки, подышала в ладони, взвесила подошедшему покупателю два килограмма бананов.

В шестом часу в зал вошла Ванесса, грустная, утомленная, и стала вызывать из зала одну девушку за другой. В ее кабинете сидел следователь. Девушки возвращались быстро. Покупателей было много, они не могли поговорить и только пожимали плечами, глядя друг на друга. Настю следователь тоже надолго не задержал. Ее спрашивали, что она видела, не заметила ли кого-нибудь возле машины, когда покупатель был в магазине. Настя отвечала, что ничего не заметила. Ее спросили, часто ли тут бывал этот человек, знакома ли она с ним, что о нем знает? Настя четко отвечала, что раньше этот покупатель тут бывал, она знает его в лицо. Но как

его зовут, кто он, чем занимается — понятия не имеет. Когда машина взорвалась, она как раз укладывала в витрину только что поступившие плоды авокадо и в окна не смотрела. К тому же на всех окнах были опущены жалюзи.

Ее отпустили, она вернулась за прилавок. Теперь ей было не холодно — всю заливал жар. Этот следователь напомнил ей того, другого...

...Сейчас ей было двадцать три года. Далеко уже не девчонка. И когда следователь задавал ей вопросы, она отвечала спокойно, уверенно, глазом не моргнула. А тогда ей было семнадцать. Шесть лет назад. Никакого жизненного опыта, никакого самообладания. Как же ей тогда удалось не сорваться при даче показаний? Ведь она в те дни была в истерике, истерика была внутренняя, глубоко упрятанная. Достаточно было легкого толчка, чтобы Настя сказала не то, что нужно... Она проходила по делу свидетелем, хотя должна была попасть в другую категорию. Она должна была стать одной из обвиняемых, да еще в групповом деле. Хулиганство. Драка с применением холодного оружия.

Она пошла на дискотеку. Пошла одна, но на дискотеке должна была встретиться с подругой — Лерка танцевала в группе, выступавшей то на одной дискотеке, то на другой. Исполнив свою программу — спортивный рок-н-ролл, брейк, ламбаду, — группа переодевалась и спускалась в зал. Кто-то спешил домой и сразу уходил. Кое-кто оставался потанцевать в зале. Лерка никогда не уходила после выступления. Она искала среди танцующих Настю, и они вместе танцевали до упаду, пока дискотека не кончалась. Обе были заядлые плясуньи, только Лера — профессионал, а Настя — любитель.

В тот раз все шло как обычно. Вместе с Лерой после выступления остались еще две девчонки из группы. В зале оказались их знакомые парни. Образовался свой кружок, веселились, привлекая всеобщее внимание.

Вскоре Настя услышала голос Леры:

— Погляди направо.

КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА, ДЕРУТСЯ НАСМЕРТЬ

Настя поглядела. У стены стояли какие-то жуткие девицы. Причесанные «под метелку», с грубыми дегенеративными лицами, уродливо раскрашенные, в мешковатых длинных юбках, по тогдашней моде...

— Ну и что? — спросила Настя.

— Они на нас смотрят уже полчаса. Видишь, какие рожи?

Настя видела. Одна похожа на крысу — острый наглый носик, крохотные, безобразно подведенные глазки, тупое выражение лица. Другая — сушая обезьяна. Третья — вроде бы ничего, но лицо испитое, бессмысленное, нарумяненное, как на панель. Девицы нагло их разглядывали — в упор, с неприкрытой угрозой.

— Что это они? — спросила Настя.

— Мы танцуем с их парнями. Мы тут чужие. Знаешь, лучше бы нам сейчас уйти...

И это говорила Лера! Лера, которая готова была танцевать хоть в преисподней, если играла музыка... Настя не слишком встревожилась:

— Но мы же не одни. С нами ребята.

— А что — тебя кто-то проводит до дома? Ты уже договоришься?

Нет, Настя ни с кем из парней не договорилась. И не собиралась этого делать. Они видела их в первый раз и возможно, в последний. Зачем ей эти туповатые парни с рабочей окраины Москвы? Тут ей действительно стало не по себе. Они с Лерой жили довольно далеко отсюда — только на метро надо ехать сорок минут, и кроме метро еще на троллейбусе до дома... До одиннадцати часов оставалось совсем немного. Дискотека скоро должна была кончиться. Зима. Мороз. На улице — темень, хоть глаз выколи. Незнакомый район. И эти девицы у стены...

— Уйдем, — решительно сказала Лера. — Давай танцуй к выходу.

Никого не предупредив, они пошли через танцующую толпу. За ними потянулись девчонки из Леркиной танце-

вальной группы — они тоже заторопились домой. Но далеко им уйти не пришлось. Лерке и танцоркам надо было забрать свои костюмы — они раздевались в комнатке за сценой. Пока искали ключ, пока ждали — девицы оказались тут как тут.

Все началось без предисловий.

— Дурацкий у тебя значок! — Короткие грубые пальцы с красными лакированными ногтями вцепились в джинсовую куртку Насти. На груди у нее действительно был значок с изображением Майкла Джексона.

— Сними! — Пальцы сильно рванули значок, но он держался крепко. Легонько треснула потертая джинсовая ткань. Девица с крысиным личиком грязно выматерилась ей в лицо.

У Насти вдруг задрожали губы. Это было очень заметно, и «Крыса», как она окрестила девицу, решила, что Настя перепугалась.

— Девчонки, — вмешалась рассудительная Лерка. — В чем проблемы?

Вместо объяснений полился поток мата. Ругалась «Крыса». «Обезьяна» молча прижала к стене одну из танцорок. Та побледнела. Третья девица неожиданно толкнула Леру в грудь:

— Ты где живешь?

Лерка промолчала. Губы у Насти все тряслись. А «Крыса» продолжала откручивать значок, издевательски глядя ей в глаза. И вдруг Настю окатила горячая волна. Это пришла ярость, и губы дрожать перестали. Она схватила девицу за тощую шею и сдавила что было сил. Та хрипло вскрикнула...

В конце коридора послышался шум. Это закончилась дискотека. Настя разжала пальцы. «Крыса» хрипло материлась, часто сплевывала на пол, Лера схватила Настю за руку и потащила ее к выходу. Танцорки бросились за ними. Их могла спасти общая суматоха. Они могли незаметно убежать из этого Дворца культуры, поймать машину, добрать-

КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА, ДЕРУТСЯ НАСМЕРТЬ

ся до метро... Доехать до дома у них бы денег не хватило. Они могли бы поискать знакомых парней...

Но ничего этого у них не вышло. Едва они оделись в гардеробе, вышли на улицу, повернули за угол — как сразу поняли — драка неизбежна. К ним подошла «Крыса». Она сжимала в зубах горящую сигарету, молча смотрела на Настю. Та поняла — их ждут, им не уйти. Оглянулась... И увидела, что противниц стало больше. Теперь у стены стояло человек десять. Лерку уже схватили за локти и держали сзади. Танцорок, видимо, прижали к стене. «Сейчас нас будут убивать...» — подумала Настя. Она могла убежать, у нее было более выгодное положение — рядом одна «Крыса». Но как же Лерка? Прежде чем Настя позовет кого-нибудь на помощь, от Леркиного точеного личика ничего не останется... Если не убьют, то навсегда изуродуют. У этих девок наверняка есть кастеты или даже ножи...

... — Девушка, вы будете работать?! — донесся до нее возмущенный голос.

Она встрепенулась, как во сне обслужила одного покупателя, другого. Машинально взглянула на большие электронные часы над дверью магазина. Через полчаса магазин заканчивал работу.

— Вам? — спрашивала она очередного покупателя. — Вам? Полкило? Больше возьмете? Шестьсот... Пять двести... Ваши триста рублей... Спасибо... Вам?

... Там, возле Дворца культуры, было совершенно темно. Фонари разбиты. Дорога, где проезжали машины, далеко. Ночь темная-темная. Мороз градусов двадцать пять... Но ей было не холодно. Настя дралась второй раз в жизни. Первый раз был давно, года четыре назад, в пионерлагере. Схлестнулись так же, непонятно почему, с девчонками из другого отряда. Тогда Насте разбили нос, тем дело и кончилось. Но эти... Эти девицы дрались по-другому. За волосы не хватали. Ногтями не царапались. Они били ногами, кулаками, они знали все больные, уязвимые места, не спасала даже зимняя одежда... Настя давно уже не видела Лерку.

Она исчезла где-то в сутолоке. Но за Лерку и двух танцорок она особенно не переживала — девчонки тренированные, накачанные, сильные... Но зато — абсолютно неагрессивные. А в такой драке главное — не сила, а агрессия.

«Крысе» удалось сбить Настю с ног. Подняться она уже не смогла — потянула «Крысу» за собой на скользкий снег, чтобы та не избивала ее сапогами. «Крыса» тоже упала, они вцепились друг в друга. И тут Настя увидела нож.

И отпустила руки... Ей стало так страшно, что все силы разом пропали. Она больше не сопротивлялась. Но та не успела ударить — кто-то наступил на «Крысу», та перевернулась, исчезла между чьими-то ногами. Нож остался на снегу, рядом с Настей. Она схватила его, чтобы «Крысе» он не достался, вскочила, побежала прочь...

Сзади рванули за куртку, Настя поняла, что ее опять тянут в драку. Отмахнулась локтем — бесполезно, развернулась, увидела «Крысу»... И в отчаянии, что никак не может избавиться от этой противной морды, ударила...

В метро она попала перед самым закрытием. Вбежала в вестибюль, вскочила на эскалатор, и только когда снизу, со станции, на нее повеяло теплом, Настя поняла, что случилось. Но поверить в это было трудно. Она ударила «Крысу» ножом. Та ее сразу выпустила, и Настя сбежала. А нож? Ножа у нее теперь при себе не было. Потеряла? Выбросила? А где? Настя добралась до дома в третьем часу ночи. Пришлось идти пешком.

Мать не дала ей спать до утра — допытывалась, что случилось, отец тоже не спал и заявил, что теперь с дискотеками покончено! Лучше бы Настя училась нормально, чем шляться на танцы! Ведь здоровая девица! Настя слова не могла сказать. Она сидела на кухне, отогреваясь горячим чаем, и внутри у нее все дрожало от отчаяния. «Неужели я убила? Неужели убила? — повторяла она про себя. — Что же будет? Меня в тюрьму посадят?!»

Потом до нее дошло, что родители решили, будто Настю изнасиловали после дискотеки — потому она так странно и

КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА, ДЕРУТСЯ НАСМЕРТЬ

выглядит. Настя поклялась, что ничего с ней не случилось. Совсем ничего. Просто задержалась... Утром, когда родители ушли на работу, Настя позвонила Лерке. Вместо подруги с ней поговорила Леркина мать. Оказалось, что драка закончилась приездом милиции. Кто вызвал — неизвестно. Леру сразу забрали в больницу — сотрясение мозга, несколько глубоких ссадин. Двух других танцорок тоже сильно избили. А из местной шпаны, которая их избивала, половина успела разбежаться, но кого-то схватили и запихали в машину. Одну из девиц тяжело ранили...

Женщина рассказывала взхлеб, было ясно, что она еще не успела осмыслить этот ужас. Только через некоторое время до нее дошло, что Настя тоже была в той компании.

— А ты? — с какой-то ненавистью спросила она. — Ты как?

— Синяки... — пробормотала Настя.

Она чувствовала себя предательницей. Но, слава богу, не убийцей!

— Сумасшедшие вы, — сказала женщина. — Вас же теперь в милицию потащат!

— Драку начали не мы.

— Ага, так вам и поверят. Учти, что про тебя уже в милиции знают, девчонки сказали, что ты тоже была. Сбежала?

— Сбежала, — призналась Настя.

— Когда?

— В самом начале...

— Бросила подругу?

Настя промолчала. В тот день она не пошла в институт. Училась на первом курсе в педагогическом. Про синяки она не соврала — они были. Но родители, слава богу, их не видели — по лицу Настю не били, повезло. Из головы не выходила «Крыса». Значит, она в больнице, значит, жива. Состояние тяжелое... Неужели это она, Настя, так ее угостила? И что ей за это будет? Что сказать в милиции?

На следующий день она давала показания. Ее родители ничего про это не узнали, Настя им не сказала. Говорила

она скупо, лишних подробностей избегала. Да, пошла на дискотеку. Эти девицы пристали к ним, когда дискотека уже кончалась. Что им было нужно? Просто хотели подраться... Может, были пьяные или обкурились анаши. Вели себя агрессивно, сразу начали толкаться, вызывать на драку. Убежать от них не удалось.

Про значок и «Крысу» Настя промолчала. Нечего следователю знать, что между «Крысой» и Настей есть что-то общее. Настя вообще старалась молчать, чтобы не ляпнуть лишнее. Рассказала только, что ей удалось убежать, что она хотела вызвать милицию, но не могла найти телефона-автомата... Звучало все это неубедительно. Настя сторала от стыда. Если она скажет правду — ее посадят. А если будет твердить свое вранье — решат, что она предательница, трусиха — убежала, бросила подруг, и даже милицию вызвала не она. Наконец ее отпустили.

Настя ждала самого худшего. В какой-то книжке она когда-то прочитала, что давать ложные показания — это тоже преступление. Значит, она вдвойне преступница. Она думала, что когда допросят Лерку с подружками, те обязательно расскажут про значок, про конфликт Насти и раненой «Крысы». А кто еще мог ранить «Крысу»? Свои, что ли? С кем «Крыса» дралась? От начала и до конца — с Настей. Практически они бились один на один. И видели это многие. Ведь тех девиц тоже будут допрашивать. А зачем они будут покрывать Настю? И сама «Крыса» молчать не будет.

Но случилось непонятное. Настю больше не вызывали. Оставили в покое. Лерка вышла из больницы, теперь отлеживалась дома. Настя приехала к ней с коробкой конфет. Шла, как на казнь. Лерка похудела, осунулась, то и дело пускала слезу. Девчонки сидели у нее в комнате, грызли конфеты, но разговор никак не мог коснуться самой волнующей темы... Наконец Настя не вытерпела:

— Тебя допрашивали?

Лера кивнула:

КОГДА ОТСТУПАТЬ НЕКУДА, ДЕРУТСЯ НАСМЕРТЬ

— Да. Ты знаешь, там одну девку убили?

— Убили?! Ранили!

— Ну, может, и ранили. Только она умерла.

Настя чуть не подавилась шоколадом, таявшим во рту:

— Я первый раз слышу!

— Да, умерла, — подтвердила Лера. — И теперь выясняют, кто убил. И с ума сойти, у Ксеньки нашли нож... А ту противную девку зарезали. Ты понимаешь, что будет?

Настя ничего не понимала. Ксенька — это одна из танцорок, но при чем тут нож, при чем тут «Крыса»?! Она промолчала, предоставив возбужденной Лере рассказывать дальше:

— Нож у нее нашли, когда на травмпункт привезли, ей вывихнули руку. Стали с нее куртку снимать, вывалился нож. В крови. Ну, ты представляешь себе?! Она таскала с собой нож!

«Я с ума сошла? — спросила себя Настя. — Или это мой нож? Но как он попал к ней?!» Следователь ничего ей про нож не рассказал. Даже разговора об этом не было. Значит, ее так просто отпустили только потому, что обвиняемая уже была. Ксенька? Действительно носила нож? В это трудно было поверить. Но Лера, кажется, верила. Во всяком случае, ей хотелось верить. Ведь иначе ее саму допрашивали бы куда пристрастней. Следствию нужен был обвиняемый. Труп у них уже был, значит, без обвиняемого не обойтись. Настю мучило теперь не столько странное сообщение Леры, сколько вопрос — успела ли проговориться «Крыса»? В каком состоянии она попала в больницу? Успела ли сказать, кто ее пырнул ножом? Наступил даже миг, когда Насте показалось, что она никогда не была «Крысу» ножом. Может быть, она в нее вообще не попала? Может, нож прошелся вдоль одежды? Может, «Крысу» вообще ранил кто-то другой? Ну, пусть даже Ксенька!.. Она в глубине души прекрасно понимала, что это подлый самообман, что Ксенька каким-то образом подняла со снега оброненный нож, что машинально присвоила его или скорей всего даже не раз-

глядела в темноте, что это такое, сунула в карман. Забыла в суматохе... Мало ли что могло случиться?

— Где Ксенька? — спросила Настя.

— Дома.

— Ее не арестовали?

— Зачем? Всегда успеют.

Действительно, успели. Настя была на суде. Слышала, как зачитывают ее свидетельские показания. Лерка сидела на другой скамье, вся подавшись вперед, и редела в три ручья. С ней были родители. Родители пришли и с Настей. Ксенька говорила, что она не помнит момент удара. Но вот нож она помнила. Да, она подняла нож. А что с ним сделала потом — не знает. Ее били по голове, она больше ничего не помнит.

В конце судебного заседания, когда в зале нечем стало дышать, с Леркой случилась истерика. Настя едва удержалась, чтобы не присоединиться к ней. Девчонки все же досидели до конца. В коридоре они бросились друг к другу:

— Осудили!

Это выкрикнула Лерка. А Настя едва шевельнула губами:

— Но за что, за что...

Лерка плакала, обняв подругу. Другая танцовка ушла с родителями. Настя была будто каменная. Совершенно бесчувственная. Если бы ей кто-то в этот миг сказал: «Пойди туда и во всем признайся!» — она бы пошла и призналась — да, это сделала она... Но никто не подошел, ничего не сказал...

Настя бросила педагогический институт на втором курсе. Просто не смогла себя заставить пойти осенью на занятия. С этим было покончено. С дискотеками — тоже. А Лерка продолжала танцевать. Настя прекратила всякое общение с ней. Ей было невыносимо ее видеть. Невыносимо, потому что она за себя не отвечала в тот год. Она в любой миг могла бы расколоться, сознаться, взять все на себя. Лерка обязательно заговорила бы о Ксеньке. Та была в ИТК. Срок — пять лет. И если бы речь зашла об этом сро-